

В.В. Кулачков

«ВОЕННЫЕ ТРЕВОГИ» В КРЕСТЬЯНСКИХ НАСТРОЕНИЯХ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ В ПЕРИОД НЭПА

Рассмотрено влияние «военных тревог» на настроения крестьянства Западного региона в период НЭПа. Автор обосновал вывод о том, что настроения крестьянства носили пацифистскую направленность и были обусловлены как политикой советской власти, так и отсутствием стабильности в положении деревенского социума.

Ключевые слова: «Военные тревоги», крестьянство, Западный регион России, внешняя политика, международное положение.

The article is devoted to the influence of «military alarms» on the mood of the peasantry of Western region in the period of the NEP. The author comes to the conclusion that the mood of the peasantry wore orientation and were caused by the policies of the Soviet authorities, and the lack of stability in the position of a village society.

Key words: Military alarm», the peasantry, the West region of Russia, foreign policy, the international situation.

1920-е гг. в повседневной жизни крестьянства Западного региона России характеризуются как период, отмеченный обострением международной обстановки и угрозой войны. Следует отметить, что традиционно к Западному региону относят Брянскую, Смоленскую и Калужскую губернии. В 1929 г. губернии были полностью ликвидированы и вышеуказанные территории вошли в состав Западной области. Среди крестьян распространялись пацифистские настроения, сведения о которых зафиксировались в различных источниках. Наиболее ценными в этом смысле являются сводки ВЧК-ОГПУ-НКВД, отражающие антивоенные настроения крестьян. Так, в госинформсводке информотдела ГПУ № 26 (555) за 1 февраля 1923 г. отмечалось, что в Калужской губернии среди крестьян в последние дни циркулируют слухи о возможности войны с Польшей, на которую крестьяне смотрят как на зло, которое еще больше разрушит их и без того разрушенное хозяйство [1, 67].

В Смоленской губернии аналогичные слухи также были связаны с возможным началом в будущем военных действий. В частности, госинформсводка информотдела ГПУ № 58 (587) за 10–12 марта 1923 г. содержит информацию, что в связи с переучетом военнообязанных, антисоветскими элементами велась агитация против явки на переучет. В деревне Подмостье Богородицкой волости Ельнинского уезда была даже вынесена сельским сходом резолюция: «Мы, граждане деревни Подмостье, постановили, что мы на учет не явимся и войны не желаем, мы не хотим защищать интересы Германии и как один отказываемся от войны» [1, 82].

Антивоенные настроения не являлись исключительным явлением и были взаимосвязаны с другими проявлениями крестьянского сознания. В частности, это выразилось в культурно-просветительской сфере, где укоренившиеся предрассудки крестьянства сдерживали распространение просвещения и грамотности [2, 25–26]. Так, в 1925 г. из Смоленской губернии про ликвидацию неграмотности написал в редакцию

«Крестьянской газеты» Е. Киселев (дер. Халютинно Смоленской губернии и уезда). Автор информировал, что при Халютинской избирательной организации ОДН и ликпункт, записалось в члены 14 чел., из них 5 ликвидаторов и 9 неграмотных, все почти взрослые женщины. Далее получили 3 букваря и начали ликвидировать неграмотность. Занимались 3 раза, в 4-ый раз не пришел ни один человек. После чего залипуктом спрашивает: «Почему не приходите заниматься?» – Мы больше не пойдем, потому что нам говорили – это нас готовят в пионерки, а потом погонят на войну [3, 12].

Наиболее масштабной была «военная тревога» 1927 г., которая оказала всестороннее влияние на различные проявления массовых настроений крестьянства. Как уже отмечалось, антивоенные настроения были самым тесным образом связаны с другими проявлениями крестьянской ментальности. Эта связь выражалась в традиционной «ревности к городу», стремлении объединиться в союз и недоверии коммунистам. В частности, в Брянской губернии при проведении крестьянских конференций данные настроения проявились особенно ярко. В информационной сводке № 23 за период с 3 по 16 августа 1927 г. указывалось, что в селе Жирятино Бежицкого уезда на беспартийной крестьянской конференции при выборе президиума большинством присутствовавших кандидатуры членов ВКП(б) были отклонены, причем раздавались выкрики: «Коммунистов выбирать не следует, они крестьянам ничего не дают». На конференции активно проявил себя антисоветский элемент, выступая с резко антисоветскими выпадами, выбрасывая пораженческие лозунги и требуя организации крестосоюза с целью противодействия налогу. В отдельных выступлениях указывалось: «Все для рабочих, на деревню же не отпускают ни одного рубля. Почему такая разница между рабочими и крестьянами? На войне дети крестьян отвечают за все, а дети рабочих и рабочие будут караулить станки... Была война, брали скот, продукты и все другое. Нас самих гнали штыками воевать. За что мы воевали? Если теперь будет война, нам нужно не идти и ничего не давать, пусть воюют одни рабочие и коммунисты». Последнему заявлению аплодировала вся конференция.

В селе Малфа Жирятинской волости на беспартийной крестьянской районной конференции имели место следующие заявления: «Мы воевать не пойдем, если война будет начата нашим правительством. В империалистическую войну большевики сказали: «Долой войну!», а кто теперь это скажет? Советская власть говорит, что нужно быть готовым, ну и готовьтесь, при чем здесь мы. Когда начнется война, то компартия не будет в авангарде, в авангарде будет беспартийная Красная Армия. О войне говорят и войну думает начать компартия, т.к. ей нужно укрепить Коминтерн, если мы не захотим воевать, то войны не будет. Мы не против советской власти, нам не нужна компартия» [1, 571–572]. Понятно, что в этих заявлениях и выступлениях выражался целый комплекс негативных настроений крестьянства, выражающих его недовольство существующим положением вещей в период нэпа.

Как правило, слухи о войне обостряли и без того актуальные продовольственные проблемы. Так,

А. В. Голубев отмечает, что своего апогея «военные тревоги» достигли именно в 1927–1929 гг., когда буквально вся страна запасалась товарами первой необходимости, а крестьяне придерживали хлеб [4, 361]. В информационной сводке № 11 за период с 15 по 21 марта 1927 г. отмечалось, что в местечке Шумячи Рославльского уезда Смоленской губернии в связи со слухами о войне за 2 дня Шумячским потребительским обществом было продано 2 000 пудов соли. Крестьяне, запасаясь солью, брали по 5–6 кулей, так как кооперация не успевала удовлетворить спрос, соль раскупалась у частников, которые повысили цены на соль с 90 коп. за пуд до 1 руб. 20 коп. [1, 538]. Ясно, что такое поведение крестьянства можно объяснить неуверенностью в политике советской власти и стремлением обезопасить свое положение.

Кроме того, тяжелое положение крестьян заставляло их внимательно следить за событиями внешней политики и реагировать негативным образом на те или иные решения советского государства в данной сфере. Так, в информационной сводке № 31 с 5 ноября по 6 декабря 1927 г. отмечались факты отрицательного отношения к уплате долгов Франции. В частности, в деревне Рогово Рославльской волости и уезда Смоленской губернии середняк в группе односельчан высказывался: «Советское правительство за последнее время шаг за шагом уступает свои позиции, и это плохо. Нам говорят, что каждый крестьянин должен участвовать в строительстве государства, но почему-то согласились платить долги Франции, не обсудив этого вопроса ни на одном крестьянском собрании» [1, 604].

В связи с вышеизложенным довольно обоснованными выглядят выводы А. В. Голубева о том, что поводом для возникновения «военной тревоги» могли послужить любые международные и внутривластные события... Как правило, они влияли на поведение населения самым непосредственным образом. Наконец, «военные тревоги» активно использовались для зондирования общественных настроений, в первую очередь, отношения к советской власти и ее политике и готовности защищать завоевания социализма [4, 363–364]. Таким образом, настроения крестьянства Западного региона России в 1920-е гг. находились в непосредственной зависимости от внутренней и внешней политики государства. Слухи, характерные для 1920-х, также способствовали нагнетанию и без того тревожной обстановки в крестьянской среде.

1. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – Т. 2. 1923–1929. – 1168 с.

2. Кулачков В. В. Культурная политика государства и крестьянство Западного региона России в 1920-е гг.: монография / В. В. Кулачков. – Брянск: Курсив, 2013. – 142 с.

3. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). – Ф. 396. – Оп. 3. – Д. 597.

4. Голубев А. В. «Военные тревоги» 1920-х гг.: проект власти или страхи крестьянства? / А. В. Голубев // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. ст. / отв. ред. А. И. Шевельков. – Коломна: МГОСТИ, 2013. – С. 360–364.

О.Л. Майборода

ПОЛІТИКА РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ ЩОДО ПРОТЕСТАНСЬКИХ ОБ'ЄДНАНЬ ВОЛИНСЬКОГО СЕЛА У 1960–1980-Х РР.

Досліджено взаємовідносин держави та церкви, проаналізовано шляхи і методи боротьби радянської влади з протестантськими громадами волинського села у 1960–1980-х рр. Звернено увагу на лояльне ставлення віруючих до радянського ладу. Проаналізовано антицерковну кампанію держави: від профілактично-просвітницької роботи до застосування незаконних адміністративних покарань.

Ключові слова: Волинь, село, релігія, церква, протестантські об'єднання, влада.

This article is dedicated to the investigation of the relations between the state and the church. It was analysed the ways and the methods of struggling of soviet power with the community societies of Volyn village in 1960–1980 years Attention is focused on loyal attitude of believers toward Soviet order. The antichurch campaign of the state: from preventive – elucidative work to the application of illegal administrative punishments is analyzed.

Key words: Volyn, village, religion, church, community societies, power.

В сучасних умовах, з утвердженням незалежної і демократичної Української держави, з'явилася можливість більш ґрунтовного й неупередженого вивчення вітчизняної історії. На фоні досить докладно вивчених загальних питань аграрної політики радянської влади і культурно-освітнього розвитку українського села 60–80-х рр. ХХ ст. залишається ще чимало неопрацьованих проблем, насамперед регіонального та місцевого характеру. До них відносимо питання культурного, освітнього, а особливо – релігійного життя волинського села зазначеного періоду.

Серед вітчизняних авторів, які на основі розсекречених архівних матеріалів почали реконструювати церковно-релігійне життя в радянській державі, зокрема у волинському селі, були В. Єленський та І. Меркатун [1, 271]. Для них характерне прагнення відобразити історію державно-конфесійних відносин із позицій загальнолюдських цінностей, відмовитися від класового підходу в оцінці діяльності духовенства. На проблемах розвитку релігійних структур у контексті загальних суспільно-політичних процесів другої половини ХХ ст. зупиняється у своїх роботах В. Баран [2, 670], який акцентує увагу передусім на політиці радянської держави щодо релігії та церкви.

Серед сучасних вітчизняних науковців, які досліджують історію православ'я, насамперед назвемо В. Пашенку [3]. Особливий інтерес викликає його праця «Православ'я в новітній історії України», написана на сучасній джерельній основі. Деякі аспекти розвитку Православної церкви, зокрема у волинських селах, розглядають П. Бондарчук, В. Борщевич, А. Киридон, В. Милусь, А. Моренчук, П. Панченко, В. Рожко, П. Яроцький та ін. [4, 283]. Пострадянський період дав можливість ученим ґрунтовніше й об'єктивніше дослідити історію протестантизму на наших землях. Найбільш плідно над цією тематикою працюють В. Любашенко, Ю. Решетніков, С. Санніков [5].